

Воспоминанія жизни О. Г. Тернера¹⁾.

Вѣтомъ 1887 года я познакомился съ графиней О. В. Левашевой, жившей въ своемъ имѣннн Левашово, Она обо мнѣ слышала и изъявила желаніе со мною познакомиться; мнѣ сообщилъ объ этомъ М. Н. Анненковъ, и мы съ нимъ условились, что онъ ко мнѣ прїѣдетъ обѣдать, а послѣ обѣда мы вмѣстѣ поѣдемъ въ Левашово къ графинѣ. Начавшееся такимъ образомъ знакомство въ началѣ подвигалось очень медленно, но мало-по-малу мы все болѣе сближались, и наши дружескія отношенія сохранились до самой ея смерти. Графиня Ольга Викторовна была дочь графа Панина, по внѣшности она нѣсколько напоминала отца; по уму и характеру это была одна изъ самыхъ замѣчательныхъ женщинъ петербургскаго общества. Всесторонне образованная, она живо интересовалась политикой, литературой, читала почти всѣ сколько-нибудь выдающіяся книги въ области современной исторіи и популярной философіи, и потому разговоръ съ нею былъ всегда въ высшей степени оживленный и интересный. Если такимъ образомъ по уму и начитаемости она тоже походила на своего отца, то по отношенію къ своимъ воззрѣніямъ на политическую и соціальную жизнь она рѣзко отъ него отличалась, вслѣдствіе ея широкаго и либеральнаго взгляда на вещи и на людей. Вмѣстѣ съ тѣмъ это была женщина съ твердымъ характеромъ; отношенія ея къ людямъ никогда не мѣнялись, какъ это

¹⁾ См. „Русская Старина“ декабрь 1910 г.

такъ часто случается съ другими дамами нашего общества; на нее всегда можно было рассчитывать.

Ея салонъ былъ однимъ изъ самыхъ интересныхъ въ петербургскомъ обществѣ; у нея собирались по четвергамъ, на которые она приглашала разъ навсегда, и на этихъ вечерахъ всегда можно было застать интересныхъ лицъ какъ изъ русскаго общества, такъ и изъ дипломатическаго круга. Въ карты, господствовавшія въ другихъ нашихъ собраніяхъ, у нея никогда не играли, а шелъ постоянно самый оживленный и свободный разговоръ о происшествіяхъ дня, о политикѣ и литературѣ. При ея живой воспріимчивости и сообщительности ея характера, она постоянно дѣлилась съ посѣщавшими ее пріятелями впечатлѣніями, извлеченными изъ послѣдняго чтенія, и энергически настаивала на томъ, чтобы и они ознакомились съ тою или другою изъ только что прочитанныхъ ею книгъ. „Vous devez lire ça“ была ея обычная фраза. Нерѣдко она посылала мнѣ самыя книги, прочитанныя ею, или набрасывала мнѣ карандашемъ на бумагѣ заглавіе книги, которую она совѣтовала мнѣ прочитать. Она была большая поклонница Вагнера и читала, между прочимъ, все, что писалось о немъ и о его „Zukunftsmusik“.

Ея мужъ В. В. Левашовъ, хотя и уступалъ ей въ умственномъ развитіи, былъ тоже очень любезный и пріятный собесѣдникъ и милый хозяинъ. Завсегдашніе посѣтители ея четверговъ всегда будутъ помнить эти интересныя собранія, съ которыми едва-ли могли сравниться вечера, къ какомъ-либо изъ другихъ петербургскихъ домовъ.

Мы говорили съ графиней Ольгой Викторовной обо всемъ, но религіозныхъ вопросовъ мы почти никогда не касались; повидимому, она относилась совершенно индифферентно къ религіи. Между тѣмъ въ моментъ смерти выказалось, что у нея въ сердцѣ таилось глубокое религіозное вѣрующее чувство, которое только не выходило наружу при постороннихъ. Такъ умереть, какъ умерла эта, повидимому, свѣтская женщина, дано не многимъ. Послѣ смерти мужа, она стала хворать и потому проводила большую часть зимы въ тепломъ климатѣ, въ Парижѣ, пріѣзжая только на лѣто въ Петербургъ, для проведенія лѣтнихъ мѣсяцевъ въ ея любимомъ Левашевѣ, гдѣ она страстно занималась культурой цвѣтовъ. Она страдала хроническимъ воспаленіемъ горла. Необходима была очень опасная операція. Она встрѣтила это сообщеніе съ замѣчательною твердостью духа, которая не оставляла ее до самой ея кончины. Въ день операціи, какъ мнѣ рассказывалъ князь Вяземскій, женатый на ея дочери, она написала утромъ длинное письмо, полное религіозныхъ наставленій для жизни, по адресу ея двухъ дочерей и внуковъ. По

дорогѣ въ клинику, заѣхала въ русскую церковь, исповѣдалась и причастилась и затѣмъ, готовая на смерть, спокойнымъ духомъ подчинилась операціи. Сверхъ чаянія операція хорошо удалась, можно было надѣяться на благополучный исходъ, такъ что послѣ нѣсколькихъ дней постоянного улучшенія, доктора объявили ея внѣ опасности, и ея дочь, княгиня Вяземская, рѣшилась уѣхать домой. Но вдругъ у нея сдѣлалось воспаленіе легкихъ, положеніе ухудшилось. Княгиня Вяземская, извѣщенная о томъ по телеграфу, съ полпути изъ Берлина поспѣшила вернуться въ Парижъ, гдѣ она застала свою мать уже умирающею. Ольга Викторовна умерла спокойно, вѣрующая, въ полномъ сознаніи, держа въ рукахъ портретъ покойнаго мужа.

Съ сестрою графини Левашевой, графиней М. В. Комаровской, я тоже близко познакомился, и наши дружескія отношенія продолжаютъ до сихъ поръ.

Говоря о кругѣ знакомыхъ, въ которомъ я тогда обращался, коснусь еще нѣкоторыхъ другихъ лицъ.

Это лѣто мы особенно часто видѣлись съ семействомъ Данзасъ, жившимъ недалеко отъ насъ въ Шуваловѣ.

Съ Н. К. Данзасомъ, родственникомъ, кажется, племянникомъ извѣстнаго секунданта Пушкина, я познакомился, какъ уже сказано, въ Константинолѣ. Онъ тогда былъ секретаремъ посольства въ Аѳонахъ и временно прикомандированъ къ посольству въ Константинополѣ. Затѣмъ онъ нѣкоторое время былъ совѣтникомъ посольства въ Брюсселѣ при графѣ Блудовѣ и окончательно перешелъ въ Петербургъ, совѣтникомъ Мин. Иностранныхъ Дѣлъ. Это былъ человекъ крайне симпатичный, очень образованный и остроумный, большой знатокъ музыки и съ нѣкоторымъ талантомъ живописи;— вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ типъ настоящаго джентльмена до глубины души. Мы очень сблизились съ его семействомъ, послѣ его переселенія въ Петербургъ, и черезъ него познакомились также съ К. М. Аргиропуло, братомъ м-мъ Данзасъ, который тогда былъ нашимъ Министромъ резидентомъ въ Черногоріи и впоследствии посланникомъ въ Персію, а также съ княземъ К. Д. Гагаринымъ, товарищемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, женатымъ на двоюродной сестрѣ г-жи Данзасъ. Со всѣмъ этимъ кружкомъ мы часто встрѣчались въ это лѣто.

Замѣчательна судьба Н. К. Данзаса. При всѣхъ его выдающихся качествахъ, у него въ характерѣ была какая-то странная черта меланхоліи, доходившая до стремленія къ самоубійству. Еще молодымъ человекомъ, ученикомъ училища Правовѣдѣнія, онъ, не знаю по какой-то причинѣ, пытался повѣситься и его только въ-время

спасли отъ смерти. Затѣмъ въ разговорахъ со мною, онъ нерѣдко намекалъ на то, что если жизнь не хорошо складывается, то съ нею всегда можно покончить. И дѣйствительно, въ первыхъ числахъ 1888 года, подъ болѣзненнымъ впечатлѣніемъ о воображаемыхъ семейныхъ заботахъ и подъ вліяніемъ недовольства своимъ служебнымъ положеніемъ, въ которомъ онъ, несмотря на свои блестящія способности, не имѣлъ особенной удачи—онъ покончилъ жизнь самоубійствомъ, застрѣлившись. Меня это поразило потому, что я былъ съ нимъ очень друженъ, и дней пять до его смерти мы съ нимъ ѣздили вмѣстѣ во дворецъ на выходъ 1-го января; онъ мнѣ казался тогда въ совершенно нормальномъ состояніи духа, а 6-го числа въ томъ же Зимнемъ дворцѣ, на крещенскомъ парадѣ, гдѣ я думалъ его встрѣтить, я услышалъ извѣстіе о томъ, что онъ застрѣлился. Въ этотъ короткій промежутокъ времени мы съ нимъ не видѣлись. Смерть его поразила и опечалила меня, какъ бы опечалила меня смерть меньшаго брата. Мнѣ передавали, что передъ смертью онъ поручалъ мнѣ свою жену и дѣтей.

Странно, что тою же трагическою смертью, самоубійствомъ, покончили трое изъ моихъ друзей. Н. К. Данзасъ, графъ С. Д. Татищевъ и М. Н. Анненковъ; послѣдніе двое подъ вліяніемъ заботъ, по поводу имущественнаго разстройства. Послѣ cadaго изъ нихъ мнѣ пришлось участвовать въ опекѣ, которая устраивалась для приведенія въ порядокъ ихъ наслѣдства, и во всѣхъ трехъ случаяхъ мнѣ удалось, при помощи другихъ опекуновъ, достигнуть удовлетворительнаго результата; имущественное положеніе оставшихся семействъ, во всѣхъ трехъ случаяхъ, удалось обезпечить.

Князь К. Д. Гагаринъ, послѣ смерти гр. Толстого, которымъ онъ лично былъ приглашенъ въ товарищи, оставилъ министерство и былъ назначенъ сенаторомъ. По случаю нездоровья княгини, которая болѣла грудью и не могла переносить петербургскій климатъ, онъ поселился на югѣ, купилъ небольшое имѣніе въ Балаклавѣ и посвятилъ себя тамъ совершенно занятіямъ по винодѣлію. Съ тѣхъ поръ мы встрѣчались съ нимъ только въ рѣдкіе промежутки.

По сосѣдству съ нами жили въ это лѣто также пасторъ Дальтонъ и молодой Новиковъ, сынъ Евгенія Петровича, съ женою, дочерью извѣстнаго графа Лорисъ-Меликова, о которой я уже прежде упоминалъ. Это была очень милая молодая женщина, съ нѣсколькимъ мистическимъ настроеніемъ; она мнѣ рассказывала между прочимъ, что она обладаетъ нѣкоторымъ даромъ предчувствія будущаго, такъ напримѣръ, когда она находилась въ Ниццѣ, она, гуляя на пляжѣ, встрѣтила разъ молодого Новикова, котораго она совершенно не знала, и какое-то внутреннее чувство тутъ же сказало ей, что этотъ

человѣкъ будетъ ея мужемъ. Впослѣдствіи Новиковы переселились за границу, и я совершенно потерялъ ихъ изъ виду.

О пасторѣ Дальтонѣ я уже говорилъ по поводу изданія моей нѣмецкой брошюры. Такъ какъ онъ жилъ на дачѣ возлѣ насъ, то я съ нимъ часто видѣлся и пріятно проводилъ время въ интересныхъ разговорахъ какъ о религіозныхъ вопросахъ, такъ и по воспоминаніямъ о нашей встрѣчѣ въ Бухарестѣ во время послѣдней войны.

Наконецъ остается упомянуть еще о двухъ личностяхъ, съ которыми я познакомился около этого времени, о м-мъ Іониной и о князѣ А. А. Ливенѣ.

Съ г-жею Іониной я познакомился на утреннемъ пріемѣ у Великой Княгини Екатерины Михайловны въ Ораніенбаумѣ. Она была уроженка Далмаціи и занимала въ Цетиньѣ скромное мѣсто гувернантки въ мѣстномъ женскомъ пансіонѣ. Іонинъ, бывшій министромъ резидентомъ въ Черногоріи, познакомился съ нею, влюбился въ нее и женился на ней; она собственно не была красива, не отличалась особенно правильными чертами лица, но все ея выраженіе, глаза, улыбка—имѣли что-то особенно привлекательное. Замѣчательно, какъ эта женщина, вышедшая изъ столь скромнаго положенія, умѣла себя поставить въ петербургскомъ обществѣ, когда она сдѣлалась супругой посланника. Всегда веселая, умная, изящно одѣтая, она играла вездѣ, гдѣ появлялась, выдающуюся роль въ обществѣ и всегда была окружена. Это положеніе въ обществѣ она сумѣла до нѣкоторой степени сохранить и послѣ смерти мужа, когда ей пришлось устроить свой образъ жизни на довольно скромной ногѣ, такъ какъ Іонинъ не оставилъ ей большого состоянія. Она все же оставалась интересной м-мъ Іонинъ.

Ея покойный мужъ, во время своего посольства въ Бразиліи, много путешествовалъ по Южной Америкѣ и оставилъ интересное сочиненіе съ описаніемъ своего путешествія. Между прочимъ онъ проѣхалъ весь материкъ Южной Америки, поперекъ, отъ восточнаго берега къ западному, путешествіе, котораго до него, кажется, ни одинъ европеецъ не совершалъ.

Съ княземъ Ливеномъ я познакомился въ Ялтѣ. Со времени моего назначенія товарищемъ министра, я съ сестрами сталъ проводить каждую осень нѣсколько недѣль въ Крыму, пользуясь квартирой, которая была устроена Качаловымъ для пріѣзжающихъ чиновъ министерства, во второмъ этажѣ таможеннаго дома въ Ялтѣ, этою квартирою я пользовался ежегодно до 1892 г., когда наконецъ перебрался въ собственный домъ. Вотъ во время нашихъ осеннихъ пребываній въ Ялтѣ, мы встрѣтились тамъ съ княземъ А. А. Ливеномъ и познакомились съ нимъ.

Я считаю небезинтереснымъ сказать нѣсколько словъ о моей встрѣчѣ съ графомъ Валуевымъ, послѣ его увольненія.

Онъ жилъ въ совершенномъ уединеніи, почти забытый всѣми. Поэтому у меня явилась мысль посѣтить его. Валуевъ помѣщался въ довольно скромной квартирѣ, потому что его денежные дѣла, вслѣдствіе распутства его сыновей, были крайне разстроены. Онъ принялъ очень радушно, но просто, безъ всякой позировки и съ большимъ достоинствомъ. Во время разговора съ нимъ я былъ пораженъ, до какой степени этотъ баловень счастія, достигшій всѣхъ служебныхъ почестей и всегда считавшійся крайне тщеславнымъ, при своемъ несчастіи умѣлъ сохранить полное равновѣсіе и спокойствіе духа. Во время его блестящей карьеры, онъ могъ считаться мелочнымъ человѣкомъ, но въ теперешнемъ его положеніи, когда забытый почти всѣми своими прежними друзьями, онъ переносилъ свое униженное положеніе съ такимъ достоинствомъ характера, онъ показался мнѣ истинно великимъ. Это спокойное самообладаніе онъ сохранилъ до самой смерти, которую онъ встрѣтилъ съ такимъ же спокойствіемъ духа. За день до смерти, онъ самъ написалъ на листкѣ бумаги, какъ устроить послѣ него панихиду (при томъ только одну) съ указаніемъ, кого именно слѣдовало на нее пригласить...

По поводу моихъ воспоминаній этого года, остается еще сказать нѣсколько словъ о моемъ присутствіи на крещеніи сына Великаго Князя Константина Константиновича, о происшедшемъ въ августѣ солнечномъ затменіи и о попавшихся мнѣ въ руки посмертныхъ запискахъ знаменитаго доктора Пирогова.

О церемоніи крещенія Великаго Князя я упоминаю здѣсь потому, что она совершилась въ Павловскѣ, что придавало ей совершенно особенный характеръ, какой-то *partie de plaisir* на дачу. Павловскій дворецъ, полный воспоминаніями временъ Екатерины II-й, похожъ болѣе на богатую загородную дачу, чѣмъ на дворецъ. На станціи насъ ожидали придворные экипажи, въ которыхъ насъ провезли по всему парку. Мы прибыли во дворецъ, гдѣ послѣ религіозной церемоніи, намъ предложили завтракъ; все это отличалось большой, но изящной простотой. Поѣздка въ Павловскъ была, кромѣ того, для меня лично исполнена воспоминаній, потому что это было мое первое, послѣ смерти жены, посѣщеніе Павловска, гдѣ я провелъ съ нею цѣлое лѣто и гдѣ мы съ нею много гуляли по парку, каждая аллея котораго была мнѣ знакома.

На седьмое августа было предсказано полное солнечное затменіе. Это рѣдкое явленіе всѣхъ очень интересовало. За день до того всѣ занимались приготовленіемъ черныхъ копченыхъ стеколъ, не-

обходимыхъ для того, чтобы можно было смотрѣть на солнце безъ вреда для глазъ. Утромъ въ назначенный день очень рано я отправился въ поле въ ожиданіи предсказаннаго явленія. Дѣйствительно, скоро началось затменіе. Дискъ солнца сталъ мало по малу закрываться какъ бы надвигавшимся на него покровомъ какой-то черной массы, наконецъ наступилъ моментъ совершеннаго затменія; полной темноты не произошло, но сдѣлались какъ бы сумерки, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ воздухѣ было какое-то особенное томящее впечатлѣніе. Это продолжалось недолго, и дискъ солнца сталъ опять раскрываться.

Посмертныя записки Пирогова представляютъ замѣчательное психологическое явленіе. Пироговъ умеръ отъ рака въ челюсти. Какъ превосходный докторъ, онъ при такихъ обстоятельствахъ, задолго до смерти зналъ, что его ожидаетъ, и ожиданіе смерти сдѣлало изъ него глубоко вѣрующаго человѣка. Анализируя значеніе жизни, онъ пришелъ къ заключенію, что единственно разумное объясненіе значенія жизни можно найти только въ религіозной точкѣ зрѣнія и именно въ христіанскомъ ученіи и въ вѣрѣ во Христа. Онъ такъ проникся этою идеею, что почувствовалъ непреодолимую потребность изложить тотъ духовный процессъ, черезъ который онъ прошелъ. Съ лихорадочною быстротою, до послѣдняго дня жизни, онъ набрасывалъ на бумагу свои глубокія мысли, какъ бы опасаясь, что ему не удастся привести къ окончанію свою вѣрующую исповѣдь; послѣднія строки были писаны имъ уже почти умирающимъ, карандашемъ на отдѣльныхъ листкахъ бумаги. Ему дѣйствительно удалось за нѣсколько дней всего до смерти закончить свои наброски. Эта предсмертная рукопись представляетъ несомнѣнно замѣчательное психологическое явленіе. Для характеристики его возрѣній привожу слѣдующія строки изъ его рукописи.

„Борьба съ нравственною двойственностью и съ матеріальнымъ нашимъ бытомъ, безпрестанное стремленіе къ приведенію ея къ одному знаменателю, есть цѣль нашей жизни, прямое назначеніе наше на землѣ. Борьба, но не вражда—для недостижимаго на землѣ идеала—для достиженія блаженства за гробомъ“.

Знаменательныя слова изъ-подъ пера выдающагося ученаго, доктора, реалиста... Свои записки онъ заканчиваетъ незадолго передъ самой кончиной словами „теперь я вѣрю или вѣриѣ желаю вѣрить въ безсмертіе“.

Параллельно съ исповѣданіемъ Пирогова привожу по этому поводу нижеслѣдующія слова Шопенгауера, философа, пессимиста¹⁾.

¹⁾ Къ сожалѣнію, не припомню изъ какого мѣста его сочиненій я навлекъ эти слова.

„Что составляет истинное ядро этого небеснаго просвѣтлѣнія путникъ наконецъ постигаетъ—это та утѣшительная надежда, которая проистекаетъ изъ нравственнаго чувства, явственно въ насъ говорящаго, когда мы ощущаемъ внутри себя побужденіе къ самопожертвованію, идущему въ разрѣзъ въ видимыми нашими благами, и живая увѣренность въ томъ, что есть для насъ иное благо, ради котораго можно поступиться всѣмъ земнымъ... Земной міръ есть царство случайностей и заблужденія, потому-то мы стремимся къ тому, чего уже никакая случайность лишить насъ не можетъ, по этому-то и должны мы стоять лишь за то и дѣйствовать въ томъ направленіи, въ которомъ невозможно заблужденіе“...

Не служатъ ли вышеприведенныя—исповѣдь Пирогова и цитаты Шопенгауера,—доказательствомъ того, что какимъ бы реалистомъ человекъ ни былъ въ жизни, всякій не поверхностный, но философски настроенный умъ, невольно приходитъ къ сознанію тщеты земной жизни „суета суеть и всяческая суета“, какъ уже воскликнулъ Соломонъ и къ исканію чего-то лучшаго, болѣе совершеннаго, за предѣлы настоящей вещественной жизни.

1888.

1888-й годъ былъ ознаменованъ тремя выдающимися печальными происшествіями: смертью императоровъ Вильгельма и Фридриха и катастрофой въ Боркахъ.

Императоръ Вильгельмъ умеръ въ преклонномъ возрастѣ, ему было за девяносто лѣтъ, процарствовалъ безъ малаго двадцать лѣтъ послѣ побѣдоносной французской войны. Рассказывали, что на смертномъ одрѣ онъ завѣщалъ своему сыну „сохранять дружескія отношенія съ Россіей“. По случаю его смерти въ Петербургѣ состоялась торжественная траурная служба (Trauergottesdienst) въ лютеранской церкви Св. Петра—превосходный хоръ исполнялъ молитвенное пѣніе. Вообще впечатлѣніе этой печальной церемоніи было весьма торжественно.

Императоръ Фридрихъ процарствовалъ всего около полугода. Въ моментъ вступленія на престолъ онъ уже страдалъ болѣзнью рака въ горлѣ. При такихъ обстоятельствахъ возникалъ вопросъ: слѣдуетъ ли ему въ такомъ положеніи принимать правленіе. Но его супруга, Викторія, желавшая непременно быть императрицей, настаивала на вступленіи ея мужа въ управленіе и въ этихъ видахъ отрицала, что его болѣзнь ракъ, основываясь на утвержденіе малоизвѣстнаго доктора, котораго она выписала изъ Англій,

къ немалому неудовольствію нѣмецкихъ врачей, которые рѣшительно признавали болѣзнь ракомъ и совѣтовали приступить къ операціи, хотя и соединенной съ опасностью жизни, но которая все же позволяла надѣяться на успѣшный исходъ. По настоянію супруги, Императоръ Фридрихъ отъ операціи отказался, и болѣзнь привела его къ роковому концу. Во время его смерти меня не было въ Петербургѣ, и потому я не могу сказать, какое она произвела впечатлѣніе. Но такъ какъ всѣ ожидали эту трагическую кончину, то она ни для кого не была неожиданностью и вѣроятно большого впечатлѣнія не произвела.

Катастрофа въ Боркахъ случилась, какъ извѣстно, въ октябрѣ, при возвращеніи Царской фамиліи изъ Ливиди. Всѣ члены Императорской фамиліи спаслись какимъ-то чудомъ, такъ какъ царскій вагонъ при крушеніи поѣзда совершенно былъ сброшенъ съ колѣн. Крушеніе произошло во время завтрака, всѣ отдѣлались болѣе или менѣе легкими ушибами, и только нѣсколько человекъ изъ прислуги, которая была занята сервировкой за столомъ, были убиты, (кажется двое) кромѣ того, пострадали нѣкоторые изъ конюшенныхъ офицеровъ.

Катастрофа произошла, какъ объяснили, потому, во-первыхъ, что когда на изгибѣ дороги около Борокъ машинистъ изъ осторожности замедлилъ ходъ поѣзда, ему было приказано ѣхать скорѣе, а второю причиною считали то обстоятельство, что министръ путей сообщенія Посьеть, ѣхавшій съ Государемъ, приказалъ вставить свой вагонъ въ поѣздъ, вагонъ, который по своей длинѣ могъ затруднять правильное движеніе поѣзда. Разумѣется, немедленно возникло подозрѣніе, не произошла ли катастрофа вслѣдствіе злостнаго покушенія, для разслѣдованія вопроса была назначена Комиссія—но ничего не открылось: покушенія дѣйствительно, повидимому, не существовало. Посьета упрекали въ недостаточной распорядительности и заботливости, но во вниманіе къ его продолжительной службѣ, ему никакого замѣчанія по этому поводу не было сдѣлано. Нѣсколько времени спустя онъ оставилъ свой постъ. Въ Петербургѣ всѣ высшіе чины явились на станцію встрѣчать Государя. Въ Боркахъ на мѣстѣ катастрофы построенъ великолѣпный храмъ, золотой куполь котораго уже издалека обращаетъ на себя вниманіе пассажировъ желѣзной дороги.

Въ этомъ году было приступлено къ началу тѣхъ грандіозныхъ кредитныхъ операцій по конверсіи нашихъ фондовъ, о которыхъ я говорилъ выше. Въ Петербургъ пріѣхалъ извѣстный банкиръ Hoskier, представителемъ первоклассной группы парижскихъ банкировъ, и съ нимъ дѣло было доведено до конца, состоялась опе-

рація въ полтора милліарда рублей номинально. Главные переговоры съ банкирами велъ самъ Вышнеградскій, а редакція подробностей контракта происходила у меня въ кабинетѣ.

Бѣдный Госкье нѣсколько лѣтъ спустя былъ пораженъ ужаснымъ несчастьемъ. Во время извѣстнаго пожара на благотворительномъ базарѣ въ Парижѣ, на которомъ погибло столько лицъ изъ самой элегантной публики парижскаго общества, сгорѣла и его жена. Я ему тогда же написалъ *une lettre de condoléance*, и повидимому это его очень тронуло, потому что онъ отвѣтилъ мнѣ глубоко прочувствованнымъ письмомъ.

1889.

Въ началѣ этого года была образована подъ моимъ предсѣдательствомъ коммиссія для пересмотра положенія о р. обществѣ пароходства и торговли. Общество это, основанное Новосельскимъ и, можно сказать, поставленное на ноги Н. М. Чичаховымъ, пользовалось значительными субсидіями отъ казны въ формѣ помилной платы и кромѣ того ему были предоставлены разныя привилегіи. Все это создавало для него почти монопольное положеніе на Черномъ морѣ, на которое уже долгое время съ разныхъ сторонъ возникали жалобы, послужившія поводомъ къ образованію коммиссіи для пересмотра устава общества.

Задача коммиссіи была нелегкая — приходилось устранить монополию Черноморскаго общества, не нарушая справедливыхъ интересовъ акціонеровъ общества. Въ коммиссіи участвовали разные представители общества и между прочимъ извѣстный биржевой дѣятель Суцовъ, отстаивавшій весьма умѣло и очень настойчиво интересы общества. Послѣ долгихъ преній, путемъ цѣлаго ряда компромиссовъ удалось достигнуть, повидимому, довольно удовлетворительнаго результата. Субсидія обществу была нѣсколько сокращена, но безъ нарушенія, однако, разумныхъ интересовъ общества, и вмѣстѣ съ тѣмъ явилась возможность появленія на Черномъ морѣ другихъ пароходныхъ обществъ, которыя однако все же съ трудомъ только могли конкурировать со старымъ обществомъ.

Въ теченіе этого же времени, я, кромѣ того, былъ сильно занятъ въ Государственномъ Совѣтѣ по участию въ разсмотрѣніи проектовъ М. В. Д. графа Толстого о преобразованіи земскихъ учрежденій и о введеніи института земскихъ начальниковъ, такъ какъ Вышнеградскій на засѣданія по этимъ вопросамъ не ѣздилъ, и мнѣ приходилось замѣнять его.

Какъ извѣстно, графъ Толстой былъ явнымъ противникомъ суще-

ствовавшихъ земскихъ учрежденій. Будучи Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, онъ внесъ потому въ Государственный Совѣтъ проектъ о ихъ преобразованіи, выработанный извѣстнымъ лидеромъ меньшинства въ бывшей Кохановской комиссіи, Пазухинымъ. Проектомъ его въ земское положеніе вводилось сословное начало, и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельность земскихъ учрежденій подвергалась ближайшему надзору губернаторовъ.

По этому поводу въ Государственномъ Совѣтѣ происходили продолжительныя и оживленныя пренія. Такъ какъ, однако, основная мысль проекта была уже одобрена Государемъ, то всѣ старанія членовъ Государственного Совѣта клонились къ тому, чтобы по крайней мѣрѣ устранить разныя крайности проекта. Состоявшійся новый законъ былъ несомнѣнно шагомъ назадъ и никакой пользы не принесъ. Въ настоящее время, когда возбужденъ вопросъ о выборахъ въ Государственную Думу, съ разныхъ сторонъ было заявлено о желательности производить эти выборы на основаніи прежняго земскаго положенія шестидесятыхъ годовъ.

Одновременно съ проектомъ преобразованія земскихъ учрежденій графомъ Толстымъ былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ проектъ учрежденія земскихъ начальниковъ для завѣдыванія крестьянскими дѣлами и интересами. При этомъ имѣлось въ виду положеніе о прежнихъ мировыхъ посредникахъ, оставившихъ послѣ себя такую хорошую славу. Простое возстановленіе ихъ было невозможно, въ виду введенія новыхъ судебныхъ уставовъ. Но то учрежденіе, которое было создано взамѣнъ, грѣшило предоставленіемъ земскимъ начальникамъ чрезмѣрнаго и почти безконтрольнаго права вмѣшательства въ крестьянскія дѣла; такъ что съ самаго начала земскіе начальники сдѣлались крайне непопулярными. Нельзя не признать, что крестьяне дѣйствительно нуждались въ мѣстномъ административномъ органѣ, къ которому они могли бы обращаться по своимъ дѣламъ — доказательствомъ этому могли служить ихъ постоянныя обращенія къ непремѣнному члену крестьянскаго присутствія, но только новый созданный для того органъ оказался крайне неудовлетворительнымъ. Миѣ говорилъ одинъ земскій начальникъ, что ихъ власть такъ обширна, что хорошій человѣкъ можетъ принести много пользы, — но зато дурной человѣкъ можетъ принести много вреда. Къ сожалѣнію, выборъ людей на этотъ постъ во многихъ случаяхъ былъ далеко неудовлетворительнымъ, а потому и результаты ихъ дѣятельности, во многихъ случаяхъ, принесли болѣе вреда, чѣмъ пользы.

Графъ Толстой былъ несомнѣнно очень умный человѣкъ, между тѣмъ двѣ проведенныя имъ реформы — новый университетскій уставъ, составленный подъ вліяніемъ Каткова, и земская реформа,

созданіе Пазухина, оказали по своему реакціонному направленію крайне неблагопріятное вліяніе на теченіе нашей общественной жизни и въ значительной мѣрѣ послужили поводомъ тому неудовольствію и тѣмъ жалобамъ на правительство, которыя съ тѣхъ поръ не умолкали и привели насъ наконецъ къ настоящему смутному періоду.

Графу Толстому не суждено было дожить до конца разсмотрѣнія его проектовъ въ Государственномъ Совѣтѣ и увидѣть ихъ осуществленіе. Разсмотрѣніе этихъ проектовъ началось въ началѣ года, а 25-го апрѣля онъ внезапно скончался. На его мѣсто былъ назначенъ И. П. Дурново. вмѣстѣ съ тѣмъ князь Гагаринъ оставилъ постъ Товарища Министра и былъ назначенъ сенаторомъ. Но смерть графа Толстого не измѣнила земскаго дѣла, оно было сдѣлано.

Замѣчательно, что почти одновременно съ гр. Толстымъ или по крайней мѣрѣ въ томъ же году скончалась другая очень извѣстная личность, которая въ послѣдніе годы подвергалась постоянному преслѣдованію со стороны графа Толстаго—я говорю о Краевскомъ, издатель „Отечественныхъ Записокъ“ и „Голоса“. Графъ Толстой считалъ направленія этихъ органовъ печати вредными, и не находя формальнаго повода къ ихъ запрещенію, довелъ Краевскаго неустаннымъ преслѣдованіемъ и разными штрафами за отдѣльныя статьи до невозможности продолжать свои изданія—онъ былъ принужденъ закрыть ихъ. Закрывъ свой журналъ, Краевскій сосредоточился на участіи въ думскихъ занятіяхъ и посвятилъ себя особенно дѣлу устройства городскихъ школъ. Дѣятельность на этой почвѣ принесла несомнѣнную пользу, распространеніемъ грамотности и образованія въ низшихъ классахъ нашего общества.

1889 годъ вообще памятенъ для меня цѣлымъ рядомъ смертныхъ случаевъ въ средѣ лицъ, болѣе или менѣе мнѣ близкихъ. Въ этомъ году умерли Управляющій Государственнымъ Банкомъ А. В. Цимсенъ, очень близкій мнѣ человекъ и свойственникъ, мой двоюродный братъ В. А. Фольбортъ, В. П. Безобразовъ, графъ С. Д. Татищевъ, О. О. Треповъ и докторъ Эйхвальдъ.

Однажды, когда я сидѣлъ у И. А. Вышнеградскаго во время доклада—явился чиновникъ Государственнаго Банка, требуя, чтобы его немедленно приняли. Онъ вошелъ совершенно разстроенный и доложилъ о внезапной кончинѣ Алексѣя Васильевича. Мы были этимъ крайне поражены, потому что кромѣ нѣкотораго недомоганія Цимсенъ считался совершенно здоровымъ человекомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ представилась забота о выборѣ ему наслѣдника, что было не легко. Выборъ Ивана Алексѣевича остановился на директорѣ Кредитной Канцеляріи Верховскомъ. Мы вмѣстѣ съ Вышнеградскимъ

поѣхали къ нему, чтобы предложить ему этотъ постъ, но Верховскій, подъ предлогомъ разстроеннаго здоровья, наотрѣзъ отказался принять сдѣланное ему предложеніе. Онъ вообще не ладилъ съ Вышнеградскимъ и помышлялъ уже о томъ, какъ бы оставить службу въ Министерствѣ Финансовъ, и потому вѣроятно не желалъ связывать себя принятіемъ новаго назначенія. Передъ нимъ уже открывались другіе виды на будущее и дѣйствительно, вскорѣ послѣ того, онъ былъ назначенъ Товарищемъ Главноуправляющаго Собственной Ея И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи. Тогда Вышнеградскій рѣшился назначить управляющимъ Государственнымъ Банкомъ Жуковскаго, дѣятельность котораго въ этой сферѣ ничѣмъ особеннымъ однако не ознаменовалась.

О смерти В. П. Безобразова я узналъ осенью въ Крыму изъ газетъ. Это извѣстіе также меня чрезвычайно поразило по своей неожиданности. Владиміръ Павловичъ скончался въ своемъ имѣніи въ Дмитровскомъ уѣздѣ Московской губерніи. Въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ я находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ этимъ живымъ и энергичнымъ человѣкомъ, какъ уже выше я о томъ говорилъ. Онъ былъ, такъ сказать, центромъ нашего экономическаго кружка, онъ всегда относился съ живѣйшимъ интересомъ и жаромъ ко всѣмъ современнымъ общественнымъ и научнымъ явленіямъ—и это его настроеніе какъ бы передавалось отъ него лицамъ, приходившимъ съ нимъ въ сношенія; разговоръ съ нимъ всегда, можно сказать, дѣйствовалъ возбуждительно, выставляя разные научные и общественные вопросы. И вдругъ этого человѣка, полного жизни и энергіи—не стало. Въ послѣднее время онъ, однако, замѣтно начиналъ старѣть.

Наконецъ третья смерть, не менѣе меня поразившая, это была кончина графа С. Д. Татищева, при томъ же она состоялась при очень печальныхъ обстоятельствахъ, такъ какъ онъ покончилъ жизнь самоубійствомъ. Я былъ съ нимъ очень друженъ, въ его имѣніи Ретеняхъ состоялась моя свадьба.

Графъ Сергій Дмитріевичъ началъ свою службу въ Преображенскомъ полку, оставилъ въ юныхъ лѣтахъ военную службу и посвятилъ всю свою дѣятельность мѣстнымъ интересамъ. Онъ послѣдовательно занималъ положенія Мироваго Посредника (перваго призыва), Мироваго Судьи, Предсѣдателя Мироваго Съѣзда, вполне предаваясь земскому дѣлу, къ которому лежало все его сердце. Къ сожалѣнію, его имѣніе Ретени, въ которомъ онъ вводилъ разные усовершенствованные приемы хозяйства, многополье и т. п. не давало большого дохода, а между тѣмъ значительный составъ семейства, болѣзнь жены и его собственная болѣзнь, значительный расходъ на леченіе и на поѣздки за

границу— все это, вызывая значительныя траты, привело постепенно его дѣла къ совершенному разстройству. Его враги стали его обвинять въ томъ, что онъ временно воспользовался какою-то суммой изъ земской кассы и хотя при ревизіи касса была найдена въ порядкѣ, такъ какъ деньги были своевременно возвращены, но все же по этому поводу поднялось дѣло въ Сенатѣ, который, послѣ произведеннаго слѣдствія, предалъ его суду, и онъ по суду былъ отрѣшенъ отъ должности. Между тѣмъ незадолго передъ тѣмъ, по рѣшенію Мироваго Съѣзда, его портретъ былъ повѣшенъ въ камерѣ, до того большинство мѣстныхъ дѣятелей цѣнили пользу, принесенную его долговременною земско-судебною дѣятельностью. Но противъ него орудовали ожесточенные враги противной ему партіи, и имъ удалось, вмѣсто того, чтобы помочь ему выйти изъ труднаго положенія, привести дѣло къ подобному печальному окончанію. Сергѣй Дмитриевичъ не могъ вынести такого униженія и застрѣлился. Это былъ человекъ, какъ я уже замѣтилъ, посвятившій всю жизнь земскому дѣлу и вмѣстѣ съ тѣмъ всегда готовый помочь каждому, который къ нему обращался съ какою-либо просьбой,—глубоко печально, что онъ долженъ былъ кончить такимъ образомъ. Я поѣхалъ на его похороны въ Ретени; тяжело на меня подѣйствовалъ контрастъ между былымъ и настоящимъ. Семнадцать лѣтъ тому назадъ я ѣхалъ въ Ретени на мою свадьбу; а теперь я засталъ тамъ его семейство, обыкновенно столь радостное и веселое, погруженное въ слезы, а въ сосѣдней комнатѣ, въ дубовомъ гробу, который Сергѣй Дмитриевичъ самъ сработалъ для себя нѣкоторое время передъ смертью, которую онъ очевидно уже задолго предвидѣлъ, лежалъ покойный.

(Продолженіе слѣдуетъ).

